

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

*И. Н. Кондрат**

ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Согласно ст. 17 Конституции в России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, а основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Они нашли свое закрепление в основных международно-правовых актах, таких как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и др.

В соответствии со ст. 18 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

При этом решение вопросов соблюдения, защиты, обеспечения прав человека в правотворческой и правоприменительной деятельности органов государства и их должностных лиц в современной России еще далеко от совершенства. Об этом свидетельствуют многочисленные постановления Конституционного Суда Российской Федерации, которыми признаются не соответствующими Конституции России положения законодательных и иных нормативных актов, нарушающих или умаляющих права человека. Многочисленные нарушения прав человека в правоприменительной деятельности органов государства и их должностных лиц зафиксированы в ежегодных докладах Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Генеральной Прокуратуры Российской Федерации и других государственных органов.

В то же время права человека, несмотря на их несомненную высшую ценность в правовом демократическом государстве, не могут быть возведены в абсолют и быть всегда и во всех случаях неприкосновенными. Нормы, в той или иной степени ограничивающие права человека, установлены во всех современных демократических государствах,

* *Кондрат Иван Николаевич* — кандидат юридических наук, кандидат экономических наук, профессор, МГИМО (У) МИД России; e-mail: inkondrat@mail.ru

© И. Н. Кондрат, 2013

в том числе и в России, как на конституционном, так и на отраслевом законодательном уровне. В связи с этим закономерно встает вопрос о принципах и основаниях ограничения прав человека, устанавливающих пределы и допустимость такого ограничения в различных сферах правового регулирования, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, которая является именно той областью правотворческой и правоприменительной государственной деятельности, в которой ограничение прав человека является распространенным явлением, причем вызывается оно объективной необходимостью успешного достижения современного правозащитного назначения уголовного судопроизводства. Теоретическое обоснование принципов и оснований ограничения прав человека, его допустимости и пределов в уголовном процессе является особенно актуальным в связи с тем, что ограничение прав человека имеет место в отношении подозреваемых и обвиняемых, не признанных виновными, а также в ряде случаев — в отношении других участников уголовного судопроизводства (свидетелей, потерпевших и т. д.).

Как установлено в основополагающем международном акте о правах человека — Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» (ст. 29).

В ст. 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. зафиксировано, что государство может устанавливать только такие ограничения прав человека, которые определяются законом, и только поскольку это совместимо с природой таких прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе.

В ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации установлено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В связи с этим возникает вопрос, какие общеправовые принципы положены в основу ограничения прав человека, насколько допустимы основания ограничения прав человека исходя из этих принципов и где лежат пределы ограничения прав человека?

В одном из самых первых юридических документов, закрепивших права человека, — Французской декларации прав человека и гражданина 1789 г., которая до сих пор признается составной частью современной конституции Франции 1958 г., было установлено: «Свобода состоит в возможности делать все, что не вредит другому; таким образом, осуществление естественных прав каждого ограничено лишь теми границами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами». Таким образом, можно констатировать, что цель ограничения прав человека по Французской декларации — обеспечение пользования правами другими членами общества.

В ст. 29 Всеобщей декларации прав человека целями ограничения прав человека названы в первую очередь обеспечение должного признания и уважения прав и свобод других людей, т. е. практически указана та же цель, что и во Французской декларации, а далее говорится об удовлетворении справедливых требований морали, общественного

порядка и общего благосостояния в демократическом обществе. В ст. 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах указывается одна цель ограничения прав человека — способствование общему благосостоянию.

В ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации предусмотрено пять целей ограничения прав человека, обусловленных необходимостью защиты: основ конституционного строя; нравственности; здоровья; прав и законных интересов других лиц; пятая цель заключается в необходимости обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Л. А. Морозова в связи с этим пишет, что три из этих целей непосредственно затрагивают интересы личности: защита нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц. Две другие цели: защита основ конституционного строя и обеспечение обороны страны и безопасности государства направлены на охрану интересов общества. Далее Л. А. Морозова делает следующий вывод: «В приведенные формулировки ст. 55 Конституции Российской Федерации вложен слишком широкий смысл, что дает возможность государственной власти ограничивать права человека, оправдывая это интересами общества. У государства же не может быть собственных интересов, поскольку главное предназначение государства — обслуживать гражданское общество, управлять от его имени».

Н. С. Бондарь, в свою очередь, отметил, что в правоограничительном механизме, установленном ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, защита публичных интересов представлена такими целями ограничения прав человека, как защита основ конституционного строя и обеспечение обороны страны. Частные интересы могут быть положены в основу ограничения прав и свобод человека и гражданина в тех случаях, когда такие ограничения осуществляются в целях: защиты здоровья и защиты прав и законных интересов других лиц. Цель защиты нравственности, по мнению Н. С. Бондаря, носит интегративный характер и в одинаковой мере может заключать в себе и публичные, и частные интересы. В связи с этим указанный автор полагает, что системный анализ ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации позволяет сделать вывод, что получившие в ней закрепление критерии (основания) правомерного ограничения прав и свобод человека и гражданина базируются на принципе сочетания публичных и частных интересов.¹

Полагаем, что такой принцип вряд ли может быть положен в основу ограничения прав человека, поскольку словосочетание «сочетание публичных и частных интересов» ничего не объясняет, ибо никаких иных интересов, кроме названных, не существует. К тому же публичные интересы принято делить на государственные и общественные, а в позиции Н. М. Бондаря такое деление не проводится. Между тем определение того, защиту каких именно конкретных интересов следует считать целью ограничения прав человека, как представляется, может вывести на формулирование одного из принципов такого ограничения.

На наш взгляд, с большими оговорками можно отнести к частным интересам такую цель, как защита здоровья. Вряд ли в данном случае имеется в виду здоровье человека как частного лица. Если это так, то непонятно, по каким причинам в конституционной формулировке не упомянуто о жизни человека? Между тем жизнь и здоровье, как правило, рассматриваются в одной плоскости. Например, глава 16 УК России называется «Преступления против жизни и здоровья», т. е., с точки зрения законодателя, это тесно

¹ Государство и право. 1998. № 8. С. 39.

взаимосвязанные ценностные категории. В ряде случаев в УК РФ жизнь и здоровье рассматриваются как равновеликие категории, что выражается, например, в словосочетаниях «насилие, опасное для жизни и здоровья» и «насилие, не опасное для жизни и здоровья».

В то же время в УК РФ предусмотрена глава 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Под здоровьем населения при этом понимается здоровье неопределенного количества людей. В группу преступлений против здоровья населения входят преступления, связанные с наркотическими средствами, незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью, нарушение санитарно-эпидемиологических правил и др. Учитывая, что глава 25 УК РФ, предусматривающая преступления против здоровья населения, входит в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», можно сделать вывод о том, что здоровье населения, относясь к сфере общественной безопасности, является сферой не частных, а общественных (публичных) интересов. Таким образом, именно здоровье населения, лежащее в сфере общественных интересов, имеется в виду в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

То же самое следует относить к нравственности, которая также упомянута в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. К преступлениям против нравственности в главе 25 УК РФ относятся: вовлечение в занятие проституцией; организация занятия проституцией; незаконное распространение порнографических материалов или предметов, уничтожение или повреждение памятников истории и культуры и др. Так же как и преступления против здоровья, указанные преступления предусмотрены разделом IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», и, следовательно, нравственность также относится к публичным (общественным) интересам.

Защита прав и законных интересов других лиц, упомянутая в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, также выходит за пределы сугубо частных интересов. Федеральное законодательство, ограничивая права одних лиц за счет интересов других лиц, имеет в виду права и законные интересы неопределенного круга лиц. В одном из комментариев к Конституции Российской Федерации сказано: «Часть 3 статьи 55 позволяет законодательно ограничивать права человека не только в целях защиты прав других лиц, но и для защиты других конституционно значимых ценностей. Устанавливается закрытый перечень публично-правовых ценностей, защита которых оправдывает отдельные ограничения прав и свобод (основы конституционного строя, обеспечение обороны и безопасности государства, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц)».² Таким образом, все цели ограничения прав человека, установленные ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, в комментарии названы публично-правовыми, в том числе и цель защиты прав и законных интересов других лиц.

В связи с этим более приемлемым было бы использовать в данном случае термин «публично-значимый интерес». Например, именно публично-значимый характер имеет деятельность адвокатуры. Э. П. Григонис и И. Ж. Исаков по этому поводу пишут: «Адвокатура как институт гражданского общества осуществляет публично-значимую

² *Постатейный* научно-практический комментарий к Конституции РФ / Под общ. ред. О. Е. Куфаина. М., 2003.

деятельность. В наибольшей мере публичная значимость адвокатской деятельности проявляется в уголовном судопроизводстве, в меньшей степени — в гражданском судопроизводстве. В любом случае общественные интересы адвокатура защищает опосредованно через защиту интересов отдельных граждан — членов общества или их объединений».³

Публично-значимый интерес в контексте рассматриваемой проблемы может означать как сугубо публичный интерес (например, защита основ конституционного строя), так и общественный (публичный) интерес, защищаемый опосредованно через защиту частных интересов (например, защита прав и законных интересов других лиц). Таким образом, одним из общеправовых принципов ограничения прав человека следует считать достижение цели защиты публично-значимых интересов.

Другим принципом ограничения прав человека должно быть установление их нормативными актами достаточно высокого уровня. В ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации об этом сказано, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом». Это означает, что ограничивать права человека не могут ни законы субъектов Российской Федерации, ни подзаконные акты,⁴ о чем неоднократно писал Конституционный Суд Российской Федерации.

М. В. Баглаем и Б. Н. Габричидзе предлагается ограничение прав и свобод вводить федеральным конституционным законом.⁵ Однако в таком случае получилось бы, что УПК РФ, имеющий силу федерального закона, не смог бы ограничивать права человека. Вместе с тем указанные авторы полагают, что перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации основания для ограничения прав и свобод явно предусмотрены для непредсказуемых обстоятельств, которые могут потребовать усиления защиты одних прав за счет ограничения других прав человека.⁶

Действительно, очень многое дает основания предполагать именно такую мысль разработчиков Конституции Российской Федерации. Например, в современных условиях глобальной угрозы терроризма вполне могут быть приняты законы, ограничивающие некоторые права человека в интересах борьбы с терроризмом, и принятие таких законов как раз укладывается в рамки требований ч. 3 ст. 55 Конституции. Однако в Конституции необходима и такая норма, которая предусматривала бы допустимость ограничения прав человека в обычных, неординарных ситуациях, например, при производстве по уголовному делу. Такая статья, по идее, должна располагаться в начале главы 2 Конституции Российской Федерации, предваряя закрепленные далее конституционные ограничения прав человека, а не в конце ее, как ст. 55 Конституции. Тем не менее ни в какой другой конституционной норме, кроме как в закрепленной в ч. 3 ст. 55 Конституции, основания ограничения прав человека не предусмотрены. Поэтому, учитывая даже теоретическую невозможность изменений в главу 2 Конституции Российской Федерации, да и нежелательность таких изменений, полагаем, что в ч. 3 ст. 55 Конституции должна быть предусмотрена допустимость ограничения прав человека как в обычных, неординарных ситуациях уже действующим законодательством (например, в УПК РФ), так и в случае необходимости принятия новых федеральных

³ Григонис Э. П., Искаков И. Ж. Гражданское общество и его институты в современной России. СПб., 2004. С. 137.

⁴ Комментарий к Конституции РФ / Под общ. ред. Э. П. Григониса. СПб., 2002. С. 76.

⁵ Баглай М. В., Габричидзе Б. Н. Конституционное право Российской Федерации. СПб., 1996. С. 163.

⁶ Там же. С. 165.

законов, вызванного экстраординарными обстоятельствами (например, при принятии новых законов в сфере борьбы с терроризмом).

Кроме того, ограничение прав человека должно быть основано не только на федеральном законе, но и на других положениях Конституции Российской Федерации, помимо установленных в ч. 3 ст. 55. Например, в ч. 2 ст. 22 Конституции установлено, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. Ни один федеральный закон не может по-иному решать вопрос об ограничении конституционного права на свободу, например, вернув прокурорское санкционирование вместо судебного решения.

Федеральные законы, ограничивающие права человека, должны также не противоречить общепризнанным принципам и нормам международного права, что прямо вытекает из положений ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Таким образом, следующим общеправовым принципом ограничения прав человека является его установление только федеральным законом, соответствующим Конституции Российской Федерации и общепризнанным принципам и нормам международного права.

Далее еще раз подчеркнем, что в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ указано, что права и свободы человека могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

М. В. Баглай и Б. Н. Габричидзе по этому поводу пишут: «...упоминание о “мере, в какой это необходимо”, порождает беспокойство в связи с возможностью слишком широкого толкования этого условия, что при определенном стечении обстоятельств (например, массовом психозе) может служить основой для произвола».⁷

Правомерность этого условия ограничения прав человека стала предметом рассмотрения одного из дел Конституционным Судом Российской Федерации. Так, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 17 мая 1995 г. о проверке конституционности ст. 12 Закона СССР от 9 декабря 1989 г. «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» было отмечено, что запрет забастовок на предприятиях и в организациях гражданской авиации на основании лишь их принадлежности к определенной отрасли, без учета характера их деятельности, ограничивает право на забастовку значительно большего круга работников, чем это необходимо для достижения целей, указанных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.⁸

При этом вполне возможно предположить, что понятие необходимых мер при ограничении прав человека можно определять по аналогии с правилами необходимой обороны и крайней необходимости. Так, Э. П. Григонис по этому поводу пишет: «Оба указанных института в уголовном праве относятся к обстоятельствам, исключающим преступность деяния. Однако при необходимой обороне допустимо применение любых

⁷ Там же. С. 163.

⁸ СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1976.

средств, кроме явно превышающих ее пределы, а при крайней необходимости — выбирается последнее крайнее средство, без которого в данном случае не обойтись. То же самое происходит и в уголовном судопроизводстве, применяя принудительные меры, государство действует в состоянии крайней необходимости, в то время как, назначая наказание, государство в лице суда осуществляет необходимую оборону».⁹

Следует в связи с этим отметить, что еще во Французской декларации прав человека и гражданина 1789 г. было записано: «Поскольку каждый считается невиновным, пока его вина не установлена, то в случаях, когда признается нужным арест лица, любые излишние меры, не являющиеся необходимыми, должны строжайше запрещаться законом» (ст. 9).¹⁰ В другом переводе эта же статья изложена несколько иначе: «Так как каждый предполагается невиновным, пока не установлено обратное, то в случае задержания лица всякая излишняя строгость, не вызванная необходимостью в целях обеспечения его задержания, должна сурово караться законом».¹¹

Развивая эту мысль далее, отметим, что то же самое происходит и в общеправовом смысле. В случае ограничения прав лиц, совершивших правонарушения, и когда этот факт неопровержимо доказан в установленном порядке, федеральный законодатель вправе ограничивать права человека достаточным существенным образом в зависимости от характера опасности правонарушения (арест до 15 суток при совершении административного правонарушения и лишение свободы на длительные сроки при совершении преступления). Так, М. И. Селин по этому поводу пишет: «Меры государственного принуждения достаточно многообразны и могут быть классифицированы по различным основаниям: по характеру воздействия, по отраслям права и по связи с юридической ответственностью. Последнее из указанных оснований классификации мер государственного принуждения позволило автору выделить особую группу мер государственного принуждения — меры пресечения. Эта группа мер государственного принуждения является особой, в частности и потому, что меры пресечения могут применяться и в отношении лица, которое впоследствии окажется непричастным к совершенному правонарушению. Остальные меры государственного принуждения, заключающиеся в применении санкций за совершенное преступление и в исполнении решений уполномоченных на то органов и лиц, всегда применяются в отношении лиц, причастность которых к данному правонарушению доказана в установленном законом порядке. Поэтому применение органами государства и их должностными лицами мер пресечения должно сопровождаться строжайшим соблюдением законности. Сами меры пресечения должны быть четко регламентированы в законодательных актах, желательны кодифицированных».¹²

Выбор любых средств при необходимой обороне предполагает и отказ от их применения. Так, в уголовном законодательстве предусмотрены случаи освобождения от уголовной ответственности и наказания, институт условного осуждения. В то же время

⁹ Григонис Э. П. Права человека в сфере уголовного судопроизводства: проблемы имплементации норм международного права в Российской Федерации // Права и свободы человека и гражданина: международно-правовое и конституционное регулирование: Материалы межвузовской научно-практической конференции 19 декабря 2003 г. Ч. 2. СПб., 2004. С. 21–22.

¹⁰ *Международные акты о правах человека: Сб. документов.* М., 2000. С. 33.

¹¹ *Конституции государств Европы: В 3 т. Т. 3.* М., 2001. С. 434.

¹² Селин М. И. Теоретические проблемы правового регулирования мер пресечения в российском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 5.

меры пресечения и иные принудительные меры в уголовном судопроизводстве — это действительно крайние принудительные меры, отказ от применения которых чреват серьезной угрозой публично-значимым интересам уголовного судопроизводства.

В любом случае необходимые меры, предпринимаемые в целях достижения публично-значимых интересов, должны иметь определенные установленные законом пределы. При этом на конституционном уровне должен быть предусмотрен перечень тех прав человека, которые не могут быть ограничены ни в коем случае. В ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации установлено, что не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные ст. 20 (право на жизнь), ст. 21 (право на охрану достоинства личности), ч. 1 ст. 23 и ст. 24 (право на неприкосновенность частной жизни); ст. 28 (свобода совести и вероисповедания); ст. 34 (право на предпринимательскую деятельность), ч. 1 ст. 40 (право на жилище), а также группа прав человека, которую ряд исследователей называют правами в сфере уголовного судопроизводства (ст. 46–54).¹³ Однако этот перечень относится лишь к случаям введения чрезвычайного положения, хотя многие права человека, указанные в нем, действительно не могут быть органичны в любом случае.

Так, не может быть ограничено в любом случае право на охрану достоинства личности. Об этом прямо свидетельствует сам текст ст. 21 Конституции Российской Федерации: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». При этом под умалением прав и свобод понимаются уменьшение материального содержания основных прав и свобод, объема социальных, политических и иных благ, причитающихся его обладателю, минимизация гарантий основных прав (или отдельных прав) в ущерб другой (другим правам), тогда как все права и свободы человека и гражданина должны находиться под равной правовой защитой. Умаление — это одно из проявлений ограничения прав человека.¹⁴ Термин «умаление» употребляется и в других статьях Конституции: в ч. 2 ст. 55, устанавливающей, что в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина; в ч. 2 ст. 62, в соответствии с которой наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод.

Следует отметить, что в ряде зарубежных стран именно достоинство личности признается высшей ценностью. Так, статьей о достоинстве открывается Основной закон Федеративной Республики Германия (ФРГ). В ст. 1 Основного закона ФРГ указано: «Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его — обязанность всякой государственной власти». Право на жизнь при этом закреплено в ст. 2 Основного закона ФРГ.¹⁵ Такой же подход избран в Хартии Европейского Союза об основных правах, ст. 1 которой устанавливает: «Человеческое достоинство неприкосновенно. Оно подлежит уважению и защите». Авторы комментария к указанной Хартии отмечают, что, «помещая право на человеческое достоинство перед правом на жизнь, авторы Хартии следовали не только и не столько конституционным традициям государств-членов, но и основополагающим международно-правовым документам, регулирующим права

¹³ *Комментарий к Конституции РФ / Под общ. ред. Э. П. Григониса. С. 77.*

¹⁴ *Эбзеев В. С. «Круглый стол» «Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод», выступление // Государство и право. 1998. № 7. С. 24.*

¹⁵ *Конституции государств Европы: В 3 т. Т. 1. С. 580.*

человека, и прежде всего Всеобщей декларации прав человека. Дело в том, что право на человеческое достоинство закреплено в ней перед правом на жизнь — в преамбуле... Кроме того, поставив первым правом человека право на человеческое достоинство и включив в его формулировку положение об обязанности его «уважения и защиты», авторы Хартии подчинили реализации права на человеческое достоинство осуществление всех остальных прав и свобод человека и гражданина».¹⁶

Действительно, право на жизнь, которое закреплено в первую очередь в Конституции Российской Федерации и в конституциях многих других стран, несмотря на свою фундаментальную ценность, все же при определенных обстоятельствах может быть ограничено. Дело здесь не только в неотмененной в России смертной казни (в ФРГ и других странах Европейского Союза она запрещена), а в законной возможности лишения жизни другого человека в результате необходимой обороны, при обоснованном риске, при военных действиях и т. д. В то же время достоинство человека не может быть умалено ни при каких обстоятельствах.

Что касается упоминания в перечне прав, не подлежащих ограничению при введении чрезвычайного положения, права на жизнь, то здесь имеется в виду, что не должно быть таких ограничений этого права, которые не предусмотрены ст. 20 Конституции. Так, в ч. 2 указанной статьи установлено, что смертная казнь вплоть до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

Определенные ограничения распространяются и на остальные права человека, перечисленные в ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации. В отдельных случаях соответствующая статья Конституции Российской Федерации предусматривает определенные ограничения, но и федеральным законом, в том числе УПК РФ, могут устанавливаться дополнительные ограничения. Такая ситуация складывается с конституционным правом на частную собственность (ст. 35). В соответствии с ч. 2 ст. 35 Конституции каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Согласно ч. 3 ст. 35 никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. По УПК РФ в ходе досудебного производства по делу может быть наложен арест на имущество в порядке, который состоит в запрете, адресованном собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение (ч. 3 ст. 115 УПК РФ). Таким образом, имущества лицо полностью не лишается, но имеет место серьезное ограничение конституционного права на частную собственность.

В ряде случаев соответствующая статья Конституции Российской Федерации не предусматривает никаких ограничений прав человека, но они в силу ее ч. 3 ст. 55 ограничиваются иными федеральными законами. Так, право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию серьезно ограничивается уголовным наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ).

¹⁶ Хартия Европейского Союза об основных правах: Комментарий / Отв. ред. С. Ю. Кашкин. М., 2001. С. 67.

В уголовно-процессуальном законодательстве это право ограничивается в виде временного отстранения от должности (ст. 114 УПК РФ).

Таким образом, можно сделать вывод, что следующими общеправовыми принципами ограничения прав человека являются соразмерность ограничения прав человека публично-значимым интересам, ради достижения которых они устанавливаются, и законодательное определение пределов ограничения прав человека, в том числе таких, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах.

Статья поступила в редакцию 21 декабря 2012 г.